

Они были настолько пьяны, что мы едва разобрали только одно слово:

— Ко-шовой...

Полицейские спрашивали об Олеге. Мы ответили, что дома его нет, пошел в кино. Не сказав больше ни слова, полицейские повернулись и, пошатываясь, пошли по двору.

В невыразимой тревоге прошло еще четыре дня.

Полиция больше не являлась. И мне вдруг пришла страшная мысль: Олега поймали! Я хотела бежать в полицию, но брат не пустил и стал убеждать:

— Будь покойна, если бы Олега арестовали, давно бы уже пришли с обыском!

Четвертого января под вечер брат с женой ушли за дровами, а мы с мамой отправились к Лидии Макаровне Поповой — поделиться с ней своим горем. Возвращались домой. Вдруг бабушка схватила меня за руку:

— Смотри, Лена!

В моей комнате был свет и полно полицейских. Стояли они и во дворе. Я переборола страх и опасения, подошла к дверям, спокойно и даже стараясь быть возмущенной, спросила:

— Кто это тут в моей квартире хозяйничает? Что вам здесь нужно?

Из комнаты выскочил заместитель начальника полиции Захаров.

Это был изменник родины, предатель, изувер и жестокий палач. Его отец был судим когда-то нами как крупный кулак. Сын недалеко ушел от отца. Он ненавидел советскую власть, но, чуя ее силу, притворился, служил в наших учреждениях, а нож держал за пазухой. И только ждал случая, чтобы его выхватить. Как только пришли немцы, Захаров сейчас же побежал к ним служить, стал выдавать коммунистов, сам же и допрашивал их; мучил и убивал.